

Целое столетие отделяет нас от жизни замечательного грузинского художника Нико Пиросманишвили. Нам очень мало что известно о его биографии, но причиной тому не время: Пиросмани жил и умер в неизвестности. Он был слишком беден, чтобы вести светскую жизнь, слишком горд, чтобы донскиваться снисхождением

потому что с ног до головы он, как кокон, спеленат легкими полотнищами тканей всех цветов спектра.

Театр задает зрителю очень интересный ход, в котором совмещаются и все же существуют раздельно, словно в разных измерениях, жизнь и творчество. К сожалению, то, что так удачно было найдено в первом

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

На сцене — Пиросмани

власть ммуших, и слишком талантлив, чтобы вписываться в выставочные салоны. Неизвестно даже место, где Пиросмани похоронен. Он оставил последующим поколениям, кроме тайны своей жизни, только свои удивительные картины, светлые и жизнелюбивые, написанные чаще всего на необычном для живописца материале — простой черной клеенке.

Пиросмани нередко называют «примитивистом». Да, действительно, картины его вроде бы очень просты... Но, думается, ни названный, ни другие термины не в силах передать глубины и обаяния пиросманивской простоты, в которой перемешаны доброта и ирония, кажущаяся прямолинейность с изощренностью кисти художника.

Сегодня в Тбилиси есть музей, где собраны и хранятся картины Пиросманишвили, сегодня издаются альбомы с репродукциями его работ, но совершенно неожиданной воспринимается попытка сыграть спектакль о Пиросмани, которую предпринял Государственный грузинский театр пантомимы, гастролирующий сейчас в нашем городе.

Правда, аналогичные примеры, воссоздающие на сцене средствами пластической выразительности жизнь, а стало быть, и творчество художников, уже известны ленинградцам по гастролям Московского ансамбля пластической драмы. Но — Пиросмани!..

И вот мы в зрительном зале. Сквозь темноту, в которую погружена сцена, медленно проступают два женских силуэта, склоненных над колыбелью, лишь контурно обозначенной светлым куском материи. Это «рождение» человека предваряет «рождение» художника, решенное театром условно и образно: из колыбели медленно поднимается фигура человека, лица которого мы не видим,

эпизод, дальше не всегда развивается в спектакле: чередование этапов жизни художника и этапов его творчества подчас не согласуются между собой. Ну, например, если не знать хотя бы того немногочисленного, что известно о жизни Пиросмани: вырос в крестьянской семье, рано остался сиротой, работал на железной дороге, попав в город — маляриил и расписывал вывески... если не внять всего этого, то многие эпизоды спектакля (реж. Д. Кобахидзе) останутся просто непонятными. Но даже если знаешь все это заранее, зачастую остается непонятной связь этих жизненных эпизодов с теми, которые посвящены творчеству. Она достаточно формальна. Всякий раз, прежде чем начать рисовать, Пиросмани, которого играет засл. деят. иск. Груз. ССР А. Шаликашвили, вдумчиво всматривается в ладони своих рук. Знак понятный, но не обладающий той силой образности, которую нам предложили в прологе.

Если сидеть в первых рядах, то можно разглядеть, как много пытается вложить актер в этот единственный жест, и все же образа с его помощью создать не удается: тайна творчества Пиросмани остается непостигнутой, его творческий путь выглядит несколько стереотипным. Слишком кратко и малочисленно присутствуют на сцене образы, запечатленные в картинах Пиросмани, они воспринимаются как вставные номера. Можно было бы продолжить перечень недостатков, присущих этому спектаклю: неточная работа со светом и цветом, что, согласимся, важно, когда «речь» идет о художнике, и т. д. и т. п.

Но — странное дело — этот спектакль или, скажем так, возможную идею этого спектакля, трудно забыть. Он заставляет мысленно возвращаться к себе, он будоражит сознание уже самой попыткой, предпринятой грузинскими итчимы, — попыткой сыграть на сцене тайну рождения живописца Пиросмани. Она интересна, несмотря на то, что далеко не все в ней удалось.

Ел. МАРКОВА

СМЕНА 18 СЕН 1986